

□ "Мой брат родной по музе, по судьбам" - так называл Пушкин Кюхельбекера, товарища по лицу, талантливого поэта, человека, высокого духом, честного сердцем и помыслами. Созданный, по словам Баратынского, "для любви к славе и для несчастья", второе испил полной чашей. За активные действия в восстании декабристов был осужден и после почти десятилетнего заключения в Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской крепостях сослан на вечное поселение в Сибирь.

□ Ранние произведения поэта отличает высокая гражданская направленность, они воспевают "веселый час свободы", готовность отдать за нее жизнь ("К Ахатесу", "К друзьям на Рейне", "Греческая песнь"). В годы тюрьмы и ссылки с полной силой развилось поэтическое дарование Кюхельбекера, он не изменил юношеским идеалам ("Тень Рылеева", "Давид", "Элегия"). Полуослепший, больной, измученный непосильным трудом поэт гордился своей причастностью к "орлиной стае" декабристов ("На смерть Якубовича").

Глубокой скорбью в сердце Кюхельбекера отозвалась весть о смерти Пушкина ("19 октября 1837 года", "Тени Пушкина"). Прочные дружеские отношения, любовь и уважение связывали поэтов. Пушкин посвятил Кюхельбекеру несколько прекрасных стихотворений, среди них известные строки "Служенье муз не терпит суеты..." ("19 октября"). Великий поэт активно содействовал публикации произведений Кюхельбекера, присланных из ссылки.

Клён

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою —
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне — поговорю с тобою
О милой сердцу стороне;

О времени, когда, подобно птице,
Жилище вольной среди твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с берегов смиренной Авиноры,
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно вдаль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешенную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятия, —
И покачали головой!

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицалось ими мне.
Не ты ль последний в мраке заточенья
Мой друг в угрюмой сей стране?

1832

ЗИМА

Взор мой бродит везде по немой, по унылой
пустыне;
Смерть в увядшей душе, всё мёртво в
безмолвной природе
Там на сосне вековой завыванию бури
внимает
Пасмурный вран.

Сердце зануло во мне, средь тягостных дум
я забылся:
Спит на гробах человек и видит тяжелые
грезы;
Спит - и только изредка скорбь и тоска
прилетают
Душу будить!

"Шумная радость мертва; бытие в единой
печали,
В горькой любви, и в плаче живом, и в
растерзанном сердце!" -
Вдруг закачал заскрипевшею елику ветер: я,
вздрагнув,
Очи подъял!

Всюду и холод и блеск. Обнажены древа и
покрыты
Льдяной корой. Иду; хрустит у меня под
ногою
Светлый, безжизненный снег, бежит по
сугробам тропинка
В белую даль!

ВЕТЕР

Слышу стон твой, ветер бурный!
Твой унылый, дикий вой:
Тьмой ненастной свод лазурный,
Черным саваном покрой!

Пусть леса, холмы и доли
Огласит твой шумный зык!
Вняты мне твои глаголы,
Мне понятен твой язык.

Из темницы безотрадной
Преклоняю жадный слух:
За тобою, ветер хладный,
Рвется мой стесненный дух!

Ветер! ветер! за тобою
К необъятной высоте
Над печальной мглой земною
В даль бы понестися мне!

Был бы воздух одеянье,
Собеседник - божий гром,
Песни - бурей завыванье,
Небо - мой пространный дом.

Облетел бы круг вселенной,
Только там бы отдохнул,
Где семьи, мне незабвенной,
Речи вторит тихий гул;

Среди летней светлой ночи,
У часовни той простой,
Им бы там мелькнул я в очи,
Где почиет их родной!

К милым я простер бы руки,
Улыбнулся бы, исчез,
Но знакомой лиры звуки
Потрясли бы близкий лес.

Спасибо за внимание!

